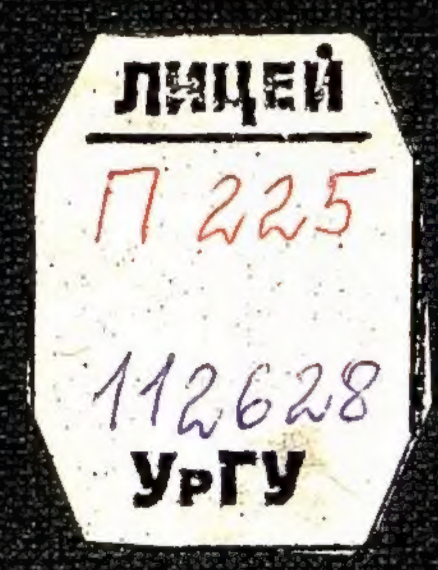
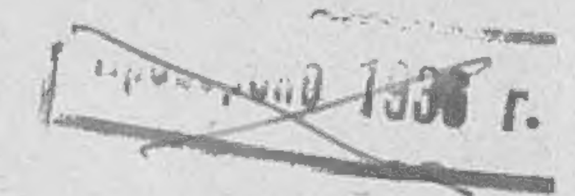

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ

за 100 лѣтъ ея существованія.

Составленъ къ 100-лѣтнему юбилею Академіи

В. В. Пашутинымъ.

(Читанъ на актѣ 18-го декабря, за болѣзнію автора, профессоромъ Л. Г. Беллярминовымъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., 8.
1898.

Печатано съ разрѣшенія Императорской Военно-Медицинской Академіи. 20-го Декабря 1898 года.

Начальникъ Академіи, Академикъ *В. Пашутинъ.*

Весьма медленно развивалась раціональная медицинская помощь въ нашемъ отечествѣ. Два-три столѣтія назадъ каждый заболѣвшій лечился какъ умѣлъ, или его лечили окружающіе, при чемъ комбинировались заговоры, заклинанія съ употребленіемъ разныхъ врачебныхъ средствъ, о которыхъ имѣли, конечно, самое смутное или даже совершенно превратное представленіе. Изрѣдка наѣзжали и настоящіе врачи, изъ Византіи, а потомъ съ Запада, но провѣрить ихъ врачебный цензъ было некому. Они брали себѣ иногда на-выучку молодыхъ людей и, такимъ образомъ, сѣяли хотя нѣкоторыя сѣмена медицинскаго искусства. Въ XVII столѣтіи, въ первой половинѣ его, начали уже отбирать съ такихъ заѣзжихъ врачей обязательства обучать поступавшихъ къ нимъ на-выучку молодыхъ людей, „ничего отъ нихъ не тая“. Въ 1654 году появилась въ Москвѣ первая врачебная школа: 30 стрѣлецкихъ дѣтей обучались при госпиталѣ у врачей, прислуживая больнымъ. Въ концѣ 17-го столѣтія уже начали посылать молодыхъ людей заграницу учиться медицинѣ и пріобрѣтать докторскіе дипломы, но дѣлалось это въ весьма маломъ размѣрѣ.

Великій Преобразователь Россіи Петръ I высоко цѣнилъ значеніе медицины и даже самъ производилъ нѣкоторыя операціи. Будучи въ Амстердамѣ, онъ съ любовью посѣщалъ курсы анатоміи. Онъ рѣшилъ превратить нѣкоторые госпитали въ основательныя врачебныя школы. Такой учебный госпиталь назывался тогда „Генеральная гофшпиталь“.

Первый учебный госпиталь учрежденъ въ Москвѣ, въ 1707 году. Уже съ самаго начала дѣло обученія поставлено было здѣсь довольно хорошо, благодаря поступившему на русскую службу голландцу Bidloo, котораго русская медицинская наука должна считать своимъ родоначальникомъ. Онъ искренно полюбилъ свое второе отечество, 30 лѣтъ завѣдывалъ Московскимъ генеральнымъ госпиталемъ съ его школою; при преподаваніи имѣлъ помощниками главнаго лекаря и аптекаря. Обученіе длилось отъ 7 до 11 лѣтъ, ибо Bidloo выпускалъ только тѣхъ, которыхъ считалъ дѣйствительно вполнѣ подготовленными. Словомъ и дѣломъ старался онъ опровергнуть мнѣніе, ловко поддерживавшееся нѣкоторыми изъ пришельцевъ, будто бы русскіе люди неспособны осилить медицинской науки.

Въ Петербургѣ госпитальныя школы, въ видѣ учебныхъ госпиталей, открыты на 26 лѣтъ позже школы московской. Такихъ школъ образовалось здѣсь разомъ двѣ и притомъ рядомъ, на мѣстѣ гдѣ нынѣ расположенъ клиническій военный госпиталь, выходящій на Неву, на Выборгской сторонѣ. До 1733 года здѣсь было два простыхъ госпиталя. Зданіе, соотвѣтствующее правому крылу нынѣшняго клиническаго госпиталя, составляло „сухопутную гофшпиталь", а соотвѣтствующее лѣвому крылу—„адмиралтейскую гофшпиталь". Между обоими зданіями оставался довольно большой промежутокъ. Каждая изъ этихъ гофшпиталей преобразована была въ „генеральную", по образцу Московской, при чемъ перестроены были зданія изъ деревянныхъ въ каменныя. И здѣсь, какъ и въ Москвѣ, ученики жили въ самомъ госпиталѣ, несли госпитальную службу; курсъ обученія былъ 7-лѣтній.

Директоръ Медицинской Канцеляріи, какъ назывался тогда органъ, вѣдающій медицинскою частью въ Имперіи, Кондоиди, сдѣлалъ очень много по организаціи преподаванія въ генеральныхъ госпиталяхъ. Между прочимъ, онъ послалъ 12 русскихъ молодыхъ врачей заграницу для усовершенствованія, чтобы приготовить изъ нихъ преподавателей для такихъ госпиталей.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой дана была (1763) Медицинской Коллегіи, замѣнившей прежнюю Медицинскую Канцелярію, широкая задача по организаціи врачеванія и по распространенію медицинскихъ и хирургическихъ наукъ въ государствѣ; Коллегія обязана была также и „просвѣщать медицинскую науку саму по себѣ“.

Предполагая приступить къ реформамъ, Медицинская Коллегія командировала въ 1784 году бывшихъ воспитанниковъ петербургскихъ госпиталей Шумлянскаго и Тереховскаго заграницу для ознакомленія съ положеніемъ тамъ дѣла преподаванія. На основаніи отчета этихъ докторовъ, произведено (въ 1786 году) преобразованіе, при чемъ обѣ школы при двухъ смежныхъ госпиталяхъ соединены въ одну, которая получила названіе Медико-хирургической школы. Но въ своей реформѣ Медицинская Коллегія остановилась какъ бы на полпути, главнымъ образомъ, повидимому, потому, что финансовыя средства Коллегіи были въ это время въ довольно печальномъ состояніи. Расширивъ программу теоретическаго преподаванія, установивъ для этого штатъ трехъ профессоровъ и прозектора анатоміи, Коллегія ничего не сдѣлала для улучшенія клиническаго обученія, которое осталось въ рукахъ госпитальныхъ врачей, неполучавшихъ за занятія съ учениками никакого вознагражденія; ученики попрежнему жили въ госпиталѣ и были завалены госпитальною службою, что очень затрудняло ихъ въ посѣщеніи профессорскихъ лекцій.

Дальнѣйшей организаціи преподаванія въ школѣ много повредили раздоры въ средѣ самой Медицинской Коллегіи. Въ вопросѣ о медико-хирургической школѣ мнѣніе директора Коллегіи было совершенно противоположно мнѣнію членовъ коллегіи: эти послѣдніе стояли за постепенное улучшеніе уже существующей школы, тогда какъ Главный Директоръ находилъ нужнымъ учредить новое высшее медицинское учебное заведеніе, на новомъ мѣстѣ, именно на Аптекарскомъ островѣ. Построено было зданіе (1792) и намѣченъ уже директоръ заведенія, но въ это время Директоръ Коллегіи баронъ фонъ Фитингофъ скончался, а замѣнившій его Алексѣй Ивановичъ

Васильевъ не считалъ правильнымъ игнорировать мнѣніе Коллегіи, которая и подвергла проектъ бывшаго Главнаго Директора жестокой критикѣ, и не безъ нѣкотораго основанія. Именно, новое заведеніе помѣщалось вдали отъ госпиталя и имѣло, по проекту, лишь небольшую клиническую больницу, мало доступную для больныхъ по отдаленности отъ города, такъ что ученики новаго заведенія рисковали остаться при одномъ теоретическомъ преподаваніи. Въ результатѣ получилось: новоустроенное зданіе обращено въ фабрику хирургическихъ инструментовъ; оставшіяся неизрасходованными на это зданіе деньги истрачены на усовершенствованіе Медико-хирургической школы, которая при этомъ обогатилась двумя новыми кафедрами (математико-физика и повивальное искусство).

Медико-хирургическая школа представляла теперь слѣдующій видъ: довольно высокія требованія отъ желающихъ занять кафедру; учреждены должности адъюнктовъ—для временнаго замѣщенія профессоровъ или для чтенія небольшихъ отдѣловъ; курсъ преподаванія 5-лѣтній; выработаны подробныя правила для экзаменовъ на лекаря и на доктора; въ госпиталяхъ учреждены „клиническія палаты“, въ которыя отбирали больныхъ, наиболѣе подходящихъ для клиническихъ лекцій.

Но всетаки всѣ кафедры съ зачатками учебныхъ кабинетовъ, а равно и всѣ ученики школы должны были ютиться въ госпиталѣ,—учрежденіи, приспособленномъ собственно для помѣщенія больныхъ. Госпитальная администрація смотрѣла на профессоровъ, какъ на пришельцевъ, а на учениковъ—какъ на свою рабочую силу, отвлекаемую профессорскими лекціями отъ ихъ непосредственныхъ обязанностей по госпитальной службѣ.

Высочайшій указъ *18-го Декабря 1798 года* о постройкѣ не вдалекѣ отъ госпиталей двухъ зданій, предназначенныхъ для чисто учебныхъ цѣлей и для помѣщенія учениковъ, удовлетворилъ самой насущной потребности: создавалась настоящая школа, а госпиталю предстояло превратиться лишь въ одно изъ учебновспомогательныхъ ея средствъ (такое превращеніе госпиталя произошло, впрочемъ, не скоро).

Одно зданіе, построенное по указу 18-го декабря, осталось въ прежнемъ видѣ и понынѣ,—главное академическое зданіе, выходящее на Нижегородскую улицу; въ этомъ зданіи были: общежитіе для студентовъ, актовый залъ, церковь, библіотека, канцелярія, нѣкоторыя квартиры служащихъ. Второе зданіе построено было (или точнѣе — перестроено изъ недоконченной церкви) въ промежуткѣ между выходящими на Неву сухопутнымъ и адмиралтейскимъ госпиталями (соотвѣтствуетъ срединной части нынѣшняго клиническаго военнаго госпиталя). Это зданіе предназначено было для аудиторій, учебныхъ кабинетовъ, музеевъ; оно было впослѣдствіи перестроено. Въ 1800 году оба зданія были окончены и 16-го сентября сего года учащіеся переведены въ новое помѣщеніе.

По тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла академія считаетъ нынѣ, съ Высочайшаго соизволенія, временемъ своего основанія не 1800 годъ, какъ это нужно было ожидать, имѣя въ виду 50-лѣтній юбилей академіи, а 18-ое декабря 1798 года—когда вышелъ Высочайшій указъ о постройкѣ зданій Медико-хирургическаго *училища*; черезъ два мѣсяца, при утвержденіи штата заведенія, оно названо Медико-хирургическою *Академіею*.

Академія свято чтитъ память въ Бозѣ почивающаго Императора Павла I-го и сочла своимъ священнымъ долгомъ начать свой юбилейный день вознесеніемъ молитвъ у гробницы своего Августѣйшаго Основателя.

Академія съ благодарностью вспоминаетъ также имя Главнаго Директора Медицинской Коллегіи Алексѣя Ивановича Васильева, который былъ какъ бы воспріемникомъ при нарожденіи нашей академіи. Принявъ Медицинскую Коллегію съ сильными внутренними раздорами и съ разстроенными финансами (долгъ ея простирался до 600,000 р.), онъ внесъ успокоеніе страстей, уплатилъ всѣ долги въ теченіе 10 лѣтъ и сдѣлалъ даже столь большія сбереженія, что всѣ новыя постройки по академіи исполнены были въ предѣлахъ положенной для Медицинской Коллегіи суммы. Императоръ Павелъ I возвелъ Васильева въ баронское достоинство, а Императоръ Александръ I—въ графское.

Съ возшествіемъ на престолъ (13 марта 1801 года) Императора Александра I, академія расталась съ графомъ Васильевымъ. Медицинская, какъ и всѣ другія коллегіи, были упразднены и созданы были Министерства (8-го сентября 1802 года). Академія, какъ и все медицинское дѣло, передано въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Какъ высшій ученый органъ въ Министерствѣ по медицинскимъ дѣламъ учрежденъ былъ существующій и понынѣ Медицинскій Совѣтъ, который вѣдалъ ближайшимъ образомъ до 1809 года и дѣлами академіи.

Первые года по своемъ учрежденіи академія не имѣла строго законченнаго устава. Руководствовалась Высочайше утвержденнымъ докладомъ барона Васильева о штатахъ академіи и нѣсколькими инструкціями Медицинской Коллегіи. По переходѣ академіи въ вѣдѣніе Министерства Внутр. Дѣлъ было приступлено къ составленію проектовъ устава. Первые три проекта не были одобрены Медиц. Совѣтомъ. Пригласили къ составленію проекта извѣстнаго заграничнаго ученаго и организатора по медицинскимъ дѣламъ проф. Петра Франка, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ, ректоромъ Медико-хирургической академіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, профессоромъ ея терапевтической клиники. Это была 1-я клиника, учрежденная Франкомъ внѣ госпиталя, въ главномъ академическомъ зданіи. Проф. Франкъ скоро представилъ планъ устройства весьма дорогого учрежденія, съ весьма многочисленными новыми зданіями при значительно расширенной программѣ преподаванія. Выработанный согласно этому плану уставъ академіи былъ утвержденъ 18-го декабря 1806 года, но черезъ нѣсколько дней Высочайшимъ указомъ предписано пріостановиться съ введеніемъ устава въ дѣйствіе. Отмѣна произошла благодаря представленнымъ Государю замѣчаніямъ на уставъ со стороны лейбъ-хирурга Вилліе, который былъ при арміи, когда проф. Франкъ развивалъ въ Петербургѣ свою преобразовательскую дѣятельность. Съ этого момента Вилліе началъ играть большую роль въ судьбѣ академіи, которою онъ управлялъ въ теченіе 30 лѣтъ.

Новый проектъ устава академіи составленъ коммисіею изъ

профессоровъ академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора академіи проф. Загорскаго и подъ руководствомъ самого Вилліе. Новый проектъ повергнутъ былъ на Высочайшее воззрѣніе 28 іюля 1808 года. Мѣсяцъ спустя было торжественное собраніе въ академіи, на которомъ было объявлено, что Его Величество Государь Императоръ соизволилъ принять „титло Почетнаго Члена академіи". Его Величеству угодно было также пожаловать академіи Высочайшую Грамоту, которая предшествовала тексту утвержденнаго 17-го августа 1809 года устава. Передача этой Грамоты академіи произошла 18-го сентября 1809 года въ чрезвычайномъ собраніи, въ присутствіи членовъ Святѣйшаго Синода, членовъ Государственнаго Совѣта, Министровъ, Сенаторовъ. Государь соизволилъ осчастливить академію Своимъ присутствіемъ на торжествѣ врученія Грамоты и здѣсь же послѣдовало поднесеніе Его Величеству диплома на званіе Почетнаго Члена академіи.

По Высочайшей грамотѣ академія получила „титло *Императорской* Медико-хирургической Академіи", принята „въ особое Высочайшее покровительство" и поставлена „на степень первыхъ *ученыхъ* заведеній въ Имперіи".

Грамота и уставъ Александра I опредѣлили академію не только какъ высшее учебное заведеніе, но и какъ высшее ученое по медицинской части, съ чѣмъ въ связи стоитъ, вѣроятно, что въ академіи наукъ не было учреждаемо кафедръ по медицинскимъ спеціальностямъ.

Въ академіи учреждены были, кромѣ главнаго, медицинскаго, отдѣленія, еще отдѣленія ветеринарное и фармацевтическое.

Итакъ, на почвѣ петербургскихъ генеральныхъ госпиталей, продолжавшихъ оставаться еще и теперь не соединенными между собою, какъ сухопутный и адмиралтейскій госпиталь, создалась сначала Медико-хирургическая школа, а затѣмъ Императорская Медико-хирургическая академія.

Кромѣ Петербургскихъ и Московскаго, генеральный госпиталь былъ учрежденъ еще, одновременно съ Петербургскими, и въ Кронштадтѣ. Этотъ госпиталь тоже былъ реформированъ въ Медико-

хирургическую школу, но, съ основаніемъ Петербургской академіи, школа эта была закрыта, и ученики ея переведены въ нашу академію. Что же касается Московской медико-хирургической школы при Московскомъ генеральномъ госпиталѣ, то она тоже одновременно съ Петербургскою превращена была въ академію, съ Вице-президентомъ во главѣ, и составляла какъ бы отдѣленіе С.-Петербургской академіи, съ номинальною, впрочемъ, отъ нея зависимостью. Московская академія развивалась очень медленно, а главное—она не была нужна, благодаря существованію въ Москвѣ Университета съ его медицинскимъ факультетомъ. Просуществовавъ всего около 40 лѣтъ, Московская академія была закрыта. Остатокъ этой академіи—нынѣшній Московскій военный госпиталь.

Подъ дѣйствіемъ устава 1809 года академія находилась 27 лѣтъ; въ теченіи этого періода она была передана сначала изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (25 іюля 1810 года), вмѣстѣ съ Медицинскимъ Совѣтомъ и высшими медицинскими школами, а затѣмъ, черезъ 12 лѣтъ (1822 года), снова возвращена въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ она и получила свой новый уставъ въ 1835 году. Переходъ изъ одного министерства въ другое самъ по себѣ не отражался существенно на жизни академіи.

Какъ ни возвеличена была академія Царскимъ довѣріемъ къ ея силамъ, но для оправданія его требовалось широкое развитіе ея учебно-вспомогательныхъ средствъ. Государь Императоръ Александръ I, и послѣ дарованія ей Грамоты, изволилъ оказывать академіи Свое милостивѣйшее вниманіе: посѣщалъ академію, интересуясь ея библіотекою и начинающимися музеями, изволилъ жертвовать книги, восковые препараты; щедро наградилъ проф. Буяльскаго за изготовленную имъ анатомическую коллекцію, пожаловалъ на изданіе хирургическихъ рисунковъ проф. Буяльскаго до 70,000 рублей, не считая денежной награды ему и его помощникамъ; награждалъ студентовъ, хорошо оперировавшихъ, и ихъ руководителя, проф. Буша; разрѣшилъ академіи пользоваться безплатно

всѣмъ для нея необходимымъ изъ казеннаго инструментальнаго завода и казеннаго аптечнаго магазина.

Общегосударственныя условія были, однако, таковы, что въ этомъ періодѣ учебно-вспомогательныя средства академіи не могли достигнуть должнаго развитія. Почти непрерывныя войны начала текущаго столѣтія отвлекали вниманіе правительства совсѣмъ въ другую сторону, а вызванныя войнами экономическія затрудненія вызывали на большую бережливость.

Расширеніе программъ преподаванія, вытекавшее изъ научнаго прогресса заведенія, требовало открытія новыхъ кафедръ, а между тѣмъ, за недостаткомъ средствъ, ограничивались или учрежденіемъ сверхштатныхъ кафедръ, на случайные остатки, или превращеніемъ адъюнктовъ изъ помощниковъ профессора въ самостоятельныхъ преподавателей. Помѣщенія для кабинетовъ и музеевъ оказались скоро слишкомъ малочисленными и черезчуръ тѣсными: академическое зданіе, выходящее на Неву (между госпиталями), нуждалось въ значительномъ расширеніи.

Особенно чувствителенъ былъ недостатокъ клиническаго преподаванія: собственныхъ клиникъ академія не имѣла *); клиниками для профессоровъ академіи служили нѣсколько палатъ, отведенныхъ для этой цѣли въ смежныхъ госпиталяхъ, не принадлежавшихъ тому вѣдомству, въ которомъ состояла академія; да и клиникъ было всего двѣ, терапевтическая и хирургическая, а съ 1816 года еще и небольшая глазная; особенно чувствительно было отсутствіе клиники по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, по какимъ предметамъ преподаваніе было исключительно теоретическое, хотя конференція еще въ 1816 году заявляла о крайней неудовлетворительности такого преподаванія.

Студенты обязаны были посѣщать госпиталь и проводили тамъ много времени, но, за неимѣніемъ подходящихъ руководителей, выносили мало пользы, по крайней мѣрѣ на низшихъ курсахъ,

---

*) Клиника Франка существовала въ академическомъ зданіи весьма короткое время; она была переведена въ госпиталь, а на ея мѣстѣ учреждена академическая церковь.

гдѣ обязательное посѣщеніе госпиталя видимо вредило академическому преподаванію. Конференція вынуждена была повторно ходатайствовать объ отмѣнѣ обязательнаго посѣщенія госпиталя студентами первыхъ четырехъ курсовъ, чего, наконецъ, и достигла; такой порядокъ продолжался до 1838 года, когда, съ переходомъ академіи въ военное вѣдомство, кореннымъ образомъ измѣнилось значеніе госпиталя для академіи.

Ускоренные выпуски по случаю столь частыхъ войнъ вначалѣ текущаго столѣтія повели къ тому, что студенты, прошедшіе 4 курса, допускались къ самостоятельной дѣятельности. Знанія ихъ оказались, однако, настолько удовлетворительными, что сочтено было даже излишнимъ оставлять ихъ въ академіи на 5-й годъ. Впрочемъ, госпиталь, за неимѣніемъ въ немъ спеціально подготовленныхъ преподавателей, едва ли давалъ кандидатамъ медицины (какъ назывались тогда учащіеся 5-го курса) много больше того, чему они могли научиться и во всякомъ другомъ лечебномъ заведеніи. Во всякомъ случаѣ, академія изъ 5-ти-курсной обратилась въ 4-хъ-курсную, что продолжалось до введенія устава 1835 года.

Необходимость пересмотра устава, въ цѣляхъ лучшей организаціи преподаванія, дѣлалось все болѣе и болѣе настоятельною. Президентъ академіи Вилліе уже въ 1820 году исходатайствовалъ разрѣшеніе пересмотрѣть уставъ и составить новый проектъ, каковой и долженъ былъ поступить въ комитетъ по разсмотрѣнію гражданской медицинской части; съ 1828 года дѣло оставалось безъ всякаго движенія и лишь въ 1832 году, при министрѣ Блудовѣ, проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, и даже внѣ очереди, помимо общаго проекта преобразованія медицинской части въ Имперіи.

Не смотря на сравнительную бѣдность учебно-вспомогательныхъ средствъ академіи въ разсматриваемомъ періодѣ, преподаваніе шло въ ней все-таки по широкой программѣ, хотя и нѣсколько теоретично. Она выпускала хорошо образованыхъ врачей, и репутація ея росла. Многіе переходили сюда учиться изъ Московской ака-

деміи и Московскаго медицинскаго факультета. Были присылаемы сюда и молодые врачи для усовершенствованія, именно изъ Харьковскаго и Казанскаго университетовъ. Эти же университеты обращались въ академію съ просьбою рекомендовать имъ своихъ воспитанниковъ на преподавательскія должности. Въ самой академіи кафедры почти сплошь были заняты ея же воспитанниками. Многіе ея профессоры, наприм.: Шереръ, Бушъ, Уденъ, Загорскій, Веланскій, Теряевъ, Ясонъ Петровъ, не довольствуясь переводными трудами, написали собственные учебники по своимъ спеціальностямъ. Учебникъ по судебной медицинѣ проф. Громова долго считался для своего времени классическимъ и удостоился посвященія Его Величеству (1823). Многіе профессора академіи этого періода пріобрѣли громкое имя въ ученомъ мірѣ и были избраны въ Почетные Члены ученыхъ учрежденій—русскихъ и заграничныхъ. Такъ, въ промежутокъ 1810—1820 года избраны были въ Почетные Члены профессоры Василій Петровъ, Ясонъ Петровъ, Теряевъ и Кайдановъ—Физико-медицинскимъ обществомъ въ Эрлангенѣ; Теряевъ, Громовъ и Зузичъ — Минералогическимъ обществомъ въ Іенѣ; Шереръ — Обществомъ естествоиспытателей въ Галле; проф. Бушъ—Харьковскимъ и Виленскимъ университетомъ; проф. Кайдановъ и Загорскій — Императорскимъ Московскимъ обществомъ испытателей природы, а Загорскій также и Виленскимъ Медицинскимъ обществомъ.

Нѣкоторые профессоры, кромѣ исполненія своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей, удостоивались правительствомъ различныхъ серьезныхъ порученій. Такъ, въ 1832 г. профессоръ академіи Громовъ и Горяинъ были командированы для обозрѣнія Виленскаго университета и открыли здѣсь Медико-хирургическую академію по образцу Петербургской. Многіе изъ воспитанниковъ академіи занимали весьма важные служебные посты и внѣ академіи: Нарановичъ—Главный врачъ арміи въ Турецкой войнѣ (1828); Четыркинъ—Генералъ-штабъ докторъ; Кучковскій—Президентъ Виленской академіи.

Ѳтмѣтимъ, наконецъ, что и въ этомъ періодѣ академія поль-

зовалась всякою возможностью посылать своихъ молодыхъ питомцевъ заграницу для усовершенствованія, снабжала ихъ обстоятельными инструкціями;—въ 1817 году было командировано 10 врачей на 4 года въ Берлинъ, Вѣну и Лондонъ, а въ 1824 году — 4 врача.

Уставъ 1835 года хотя и трактуетъ академію какъ высшее учебное заведеніе, приравненное въ правахъ и преимуществахъ къ университетамъ, но ея чисто ученая миссія отмѣчена теперь уже не такъ рѣзко, какъ въ уставѣ предшествовавшемъ. Главное улучшеніе, введенное новымъ „Положеніемъ“, состоитъ: въ небольшомъ увеличеніи штата ординарныхъ профессоровъ; въ узаконеніи оставлять, „смотря по надобности“, одного или двухъ изъ наилучше окончившихъ курсъ врачей, ординаторами при госпиталѣ на 1 годъ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ посылать ихъ заграницу для усовершенствованія; наконецъ,—въ расширеніи клиническаго преподаванія, что сказалось увеличеніемъ числа гражданскихъ больныхъ съ рѣдкими формами, и, кромѣ того, введена въ штатъ клиника женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, хотя ко времени введенія устава такой клиники еще не было и въ зачаткѣ.

Послѣ введенія новаго „Положенія“ академія оставалась въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 3 года и затѣмъ (27 ноября 1838 года) она переведена въ вѣдѣніе Военнаго Министерства. Въ это время академія разсталась съ своимъ уже престарѣлымъ президентомъ. Его продолжительная дѣятельность и оказанныя имъ передъ русскою медициною заслуги заставляютъ меня сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Яковъ Васильевичъ Вилліе, родомъ (13 января 1768 г.) изъ Шотландіи, учился въ Эдинбургскомъ университетѣ; прибылъ въ Петербургъ юношею, но уже со степенью д-ра медицины; выдержавъ экзаменъ на доктора и въ Петербургѣ, онъ поступилъ на военную службу врачемъ, хорошо изучилъ бытъ русскаго солдата и всѣ недостатки тогдашней медицинской администраціи. Оставаясь сначала какъ бы незамѣченнымъ, онъ затѣмъ быстро подвигался по службѣ, состоялъ Директоромъ Мед. Департамента Военнаго Ми-

нистерства, Инспекторомъ по медиц. части арміи, а съ 1808 г. (въ возрастѣ 40 л.) и Президентомъ Императорской Медико-хирургической академіи. Онъ былъ почти постоянно при арміи, заново организовалъ военно-медицинскую часть, всячески поощрялъ научный прогрессъ врачей, улучшилъ ихъ бытъ; охотно способствовалъ поѣздкамъ врачей заграницу, особенно въ Англію; его завѣтная мысль была — видѣть поскорѣе медицинскую науку въ Россіи на той же высотѣ, какъ и въ наиболѣе культурныхъ странахъ Европы. 50-лѣтній юбилей своей службы Вилліе ознаменовалъ пожертвованіемъ 100,000 руб. на стипендію;—получающій ее долженъ, по окончаніи курса въ Россіи, побывать заграницею, и обязательно въ Эдинбургскомъ университетѣ; цѣль стипендіи—приготовить клиническаго профессора для военныхъ врачей. Все свое состояніе Вилліе завѣщалъ на устройство больницы и на вспомоществованія семействамъ военныхъ врачей. Императоры Александръ I и Николай I оцѣнили по заслугамъ самоотверженную дѣятельность этого замѣчательнаго русскаго изъ иностранцевъ. Онъ получалъ весьма милостивые Высочайшіе рескрипты, имѣлъ чинъ Д. Т. Совѣтника, орденъ Владиміра I степени, а въ Англіи данъ былъ ему, для исполненія желанія нашего Государя, титулъ баронета и sir'а (1814 г.). Умеръ въ 1854 г., 86 лѣтъ. По ходатайству Императорской Медико-хирургической Академіи ему поставленъ передъ фасадомъ возвеличенной имъ академіи памятникъ (5 дек. 1859 г.).

Съ переводомъ академіи въ военное вѣдомство, первое время она была въ весьма тяжеломъ положеніи. Хотя по уставу она была въ непосредственномъ подчиненіи Военному Министру, но временно ее подчинили Директору Департамента Военныхъ поселеній (Клейнмихелю), а съ 1842 года Президентъ академіи имѣлъ своимъ непосредственнымъ начальникомъ уже Попечителя — посредствующее лицо между имъ и Директоромъ Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства. Попечители довольно быстро смѣнялись и, не принадлежа къ медицинскому сословію, наблюдали больше за внѣшнимъ порядкомъ. Значеніе Президента академіи сильно пало. Его преобразовательныя начинанія большею

частію утопали въ канцеляріяхъ посредствующихъ инстанцій. Академическая коллегія была, тѣмъ не менѣе, оживлена теперь притокомъ новыхъ силъ, приглашенныхъ изъ университетовъ, напримѣръ: профессоръ минералогіи, зоологіи и сравнительной анатоміи Эйхвальдъ (отецъ извѣстнаго клинициста) и особенно проф. Пироговъ, знаменитый хирургъ и анатомъ (воспитывался въ Московскомъ и Дерптскомъ университетѣ и заграницею). Академія дѣйствительно весьма нуждалась въ разныхъ улучшеніяхъ, въ расширеніи учебныхъ средствъ,—конференція настаивала на этомъ, а президентъ былъ почти безсиленъ удовлетворить ея справедливымъ требованіямъ. Вся тяжесть такого положенія выпала на долю Президента Ивана Богдановича Шлегеля, преемника баронета Виллie.

Шлегель пріѣхалъ въ Россію молодымъ человѣкомъ въ числѣ многихъ нѣмецкихъ врачей, долго оставался на низшихъ врачебныхъ должностяхъ въ различныхъ дѣйствующихъ арміяхъ, выдѣлялся самоотверженіемъ и преданностью своему долгу; онъ искренно полюбилъ свое второе отечество, былъ замѣчательно безкорыстенъ. Передъ назначеніемъ въ Президенты академіи Шлегель былъ Главнымъ докторомъ московскаго госпиталя, которымъ управлялъ образцово. По словамъ Пирогова, Шлегель сдѣлалъ ошибку принявъ это новое назначеніе. Особенно отягчено было положеніе Шлегеля раздорами, возникшими въ средѣ профессоровъ; коллегія раздѣлилась на двѣ сильно враждующія партіи; натянутость отношеній при выборахъ новаго профессора или ученаго секретаря доходила до весьма значительной степени. Партіи получили названіе нѣмецкой и русской;—Шлегель принадлежалъ душою русской партіи и горячо ее поддерживалъ. Страсти улеглись съ выбытіемъ изъ конференціи двухъ наиболѣе безпокойныхъ членовъ. Шлегель былъ президентомъ въ теченіе 13 лѣтъ, оставивъ должность по разстроенному здоровью. Положеніе Президента академіи улучшилось съ назначеніемъ въ преемники Шлегелю Венчеслава Венчеславовича Пеликана, который былъ одновременно и Директоромъ Медицинскаго Департамента Военнаго вѣдомства; должность Попечителя академіи была въ это время уже упразднена. Академія,

впрочемъ, не извлекла изъ улучшеннаго положенія ея президента особенныхъ выгодъ, ибо Пеликанъ былъ поглощенъ работою по Департаменту, а академіею фактически управлялъ Вице-президентъ (Бальбіани); — должность эта учреждена была по ходатайству Пеликана. Картина существенно измѣнилась лишь съ назначеніемъ, на должность президента, Дубовицкаго, въ 1857 году.

Не смотря на значительную административную сложность, отъ которой пришлось страдать академіи въ первыя десятилѣтія (1838—1857) по переводѣ ея въ Военное вѣдомство, а также и на внутренніе ея раздоры, все-таки и въ этомъ періодѣ произошло нѣсколько благодѣтельныхъ перемѣнъ, благодаря заботливости Президента Шлегеля и настоянію нѣкоторыхъ профессоровъ.

Переходъ академіи въ Военное вѣдомство далъ Шлегелю возможность исходатайствовать (16 октября 1840 г.) присоединеніе 2-го Сухопутнаго госпиталя къ академіи. Президентъ академіи былъ сдѣланъ Начальникомъ госпиталя и ему подчинялись всѣ чины госпиталя „въ разсужденіи надлежащаго порядка и лучшаго устройства во всѣхъ частяхъ“. Госпитальными помѣщеніями воспользовались, чтобы открыть, наконецъ, столь важную для практическаго врача клинику женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Да и другія части госпиталя, не попавшія подъ клиники, хотя и удержали свой чисто госпитальный строй, были, однако, приспособляемы въ нѣкоторой степени для цѣлей преподаванія, ибо ими начали завѣдывать профессора: одною, терапевтическою, половиною завѣдывалъ проф. Мяновскій, а другою, хирургическою, знаменитый Пироговъ.

Весьма важнымъ явленіемъ въ разсматриваемомъ періодѣ представляется организація анатомическихъ занятій по широкой программѣ, по всѣмъ отдѣламъ анатоміи описательной, хирургической и патологической. Устройствомъ спеціальнаго Анатомическаго института академія обязана Пирогову, который соединялъ въ себѣ и образцоваго клинициста, и разносторонне—образованнаго анатома. Въ этомъ институтѣ произвелъ Пироговъ свои анатомическія изслѣдованія, послужившія основаніемъ къ его знаменитому „атласу“.

Прослуживъ въ академіи 15 лѣтъ, Пироговъ создалъ школу и хирурговъ, и анатомовъ. Одинъ изъ его прозекторовъ былъ знаменитый въ послѣдствіи Венчеславъ Леопольдовичъ Груберъ, ученикъ Гиртля изъ Вѣны, приглашенный Пироговымъ; онъ блестяще продолжалъ анатомическое дѣло Пирогова.

На разсматриваемый періодъ выпало 50-лѣтіе академіи, которое было отпраздновано очень скромно. Наибольшею наградою академіи былъ Высочайшій рескриптъ на имя бывшаго Президента академіи Виллie. Въ рескриптѣ Его Величество изволилъ отнестись „съ признательностью къ важнымъ заслугамъ академіи, постоянно снабжающей армію свѣдущими, искусными и усердными врачами“. Юбилейное торжество осчастливлено было также Высочайшимъ соизволеніемъ на принятіе званія Почетныхъ Членовъ академіи Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Константиномъ Николаевичемъ, Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ.

Съ воцареніемъ Императора Александра II произошелъ рѣзкій переворотъ въ развитіи академіи,—реформы полились на нее широкою струею, и она въ сравнительно короткое время, въ 10—15 лѣтъ, преобразилась до неузнаваемости. Во главѣ министерства стоялъ въ этомъ періодѣ, за исключеніемъ короткаго времени въ самомъ началѣ, Димитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Президентомъ академіи былъ назначенъ Петръ Александровичъ Дубовицкій, онъ воспитывался на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, потомъ заграницею; былъ профессоромъ хирургіи сначала въ Казанскомъ университетѣ, потомъ въ академіи, гдѣ былъ избираемъ въ Ученые секретари. Съ назначеніемъ Дубовицкаго на должность Президента Высочайше повелѣно было возстановить непосредственное подчиненіе академіи Военному Министру, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложено было на конференцію начертать проектъ новаго устава, причемъ, „предоставлялось ей не стѣсняться въ своихъ предположеніяхъ, лишьбы эти предположенія клонились къ истинной пользѣ академіи, послужили твердымъ основаніемъ будущему благосостоянію и процвѣтанію сего столь важнаго учрежденія въ государствѣ и во-

обще могли поставить въ отечествѣ нашемъ врачебную науку на туже степень совершенства, на коей она находится въ Германіи и во Франціи“. Программа весьма широкая, и, какъ оказалось, исполнимая!

Дубовицкому предоставлено было также избрать себѣ помощника, въ должности Вице-президента, и онъ остановился на профессорѣ Московскаго университета Иванѣ Тимофѣевичѣ Глѣбовѣ, человѣкѣ съ большимъ энциклопедическимъ образованіемъ.

Вторымъ и едва-ли не главнымъ вдохновителемъ многихъ мѣропріятій Дубовицкаго былъ нашъ знаменитый химикъ Николай Николаевичъ Зининъ, бывшій во времена Дубовицкаго профессоромъ и Ученымъ секретаремъ академіи.

Въ преподаваніи медицинскихъ наукъ въ текущемъ столѣтіи произошелъ въ Европѣ большой переворотъ. Народившійся во Франціи еще въ прошломъ столѣтіи научный позитивизмъ, т. е. примѣненіе точныхъ физическихъ и химическихъ методовъ къ изученію біологическихъ явленій, началъ разливаться теперь по медицинскимъ школамъ Европы, вытѣсняя съ корнемъ чисто умозрительное направленіе. Естественныя науки стали основою медицинскаго образованія, а не прикладными, какъ прежде; врачу нужно было знать практически и разносторонне методы естественно-научнаго изслѣдованія; медицинская школа должна обладать лабораторіями, въ которыхъ студенты могли бы учиться этимъ методамъ.

Для удовлетворенія этимъ новымъ вѣяніямъ рѣшено было Дубовицкимъ: а) устроить Естественно-историческій институтъ, для чего сооружено особое зданіе (угловое у Литейнаго моста) со всѣми необходимыми приспособленіями. Вмѣсто двухъ каѳедръ для естественныхъ наукъ учреждено 4, съ должнымъ количествомъ ассистентовъ и лаборантовъ и съ отпускомъ потребной суммы на покупку матеріаловъ для практическихъ работъ; б) спеціально длы изученія ботаники и, въ частности, медицинскихъ растеній, устроено особое каменное зданіе съ аудиторіею, кабинетомъ профессора, лабораторіею для практиче-

скихъ занятій, учебною оранжереею; в) нѣкоторыя естественныя науки, какъ анатомія, физіологія требуются для врача въ особенно широкомъ размѣрѣ, а такъ какъ, къ тому-же, деревянное зданіе анатомическаго института Пирогова было уже и ветхо, и тѣсно, то рѣшено было построить особое обширное зданіе для означенныхъ спеціальностей — Анатомо-физіологическій институтъ;— число каѳедръ въ предѣлахъ этихъ спеціальностей то же было увеличено. Нынѣ здѣсь развились многіе музеи, изъ коихъ анатомическій—созданіе Грубера и его учениковъ — составляетъ нашу достопримѣчательность.

Не менѣе работалъ Дубовицкій по усовершенствованію средствъ клиническаго преподаванія и по улучшенію положенія больныхъ. Подробный перечень мѣропріятій завелъ бы слишкомъ далеко, а потому упомянемъ лишь существенное.

Академія до сихъ поръ не имѣла собственныхъ зданій для клиникъ, пріютивъ своихъ клиническихъ больныхъ въ госпиталѣ. Чтобы сократить расходъ казны по устройству академическихъ клиникъ, Дубовицкій предложилъ душеприкащикамъ баронета Вилліе построить на завѣщенный имъ капиталъ не простую больницу, а клиническую, помѣстивъ въ ней клиники академіи. Предложеніе было принято. Явилась Михайловская клиническая больница баронета Вилліе.

Госпиталь тоже совершенно преобразился въ разсматриваемомъ періодѣ. Центральную часть зданія, съ выведеніемъ изъ нея учебныхъ кабинетовъ въ новые институты, рѣшено перестроить подъ академическую библіотеку (сильно стѣсненную въ академическомъ зданіи, построенномъ при императорѣ Павлѣ I) и для иныхъ потребностей, а оба крыла госпиталя, построенныя свыше 100 лѣтъ назадъ, были сломаны и выстроены вновь — въ большемъ размѣрѣ и съ лучшимъ распредѣленіемъ помѣщеній. Весь госпиталь раздѣленъ на 11 отдѣленій, обязательно завѣдываемыхъ профессорами. Для большого разнообразія болѣзненныхъ формъ, съ которыми могли бы знакомиться учащіеся, увеличено число гражданскихъ больныхъ на 100 (итого теперь такихъ больныхъ

было 175), а для ознакомленія студентовъ съ болѣе легкими формами заболѣванія организованъ при всѣхъ отдѣленіяхъ госпиталя пріемъ приходящихъ больныхъ, число коихъ нынѣ простирается, не считая амбулянтовъ академическихъ клиникъ, до 24,000 въ годъ.

Особенно много вниманія было обращено Дубовицкимъ и его совѣтниками на улучшеніе состава преподавателей, что составляетъ какъ бы душу учрежденія, а равно и на обезпеченіе источника, изъ котораго академія могла бы черпать совершенно подготовленныя преподавательскія силы.

Въ виду этого Дубовицкій выдвинулъ нѣкоторыхъ молодыхъ ученыхъ академіи, такъ много сдѣлавшихъ для нея впослѣдствіи, какъ напримѣръ, Балинскій, Ильинскій, Якубовичъ, Рудневъ.

Далѣе, онъ командировалъ заграницу Вице-президента Глѣбова для отысканія между занимающимися тамъ русскими молодыми людьми подходящихъ дѣятелей. Результатомъ этого было приглашеніе четырехъ ученыхъ, бывшихъ воспитанниковъ Московскаго университета, усовершенствовавшихся заграницею на свой счетъ. Эти были Боткинъ, Сѣченовъ, Юнге, Беккерсъ. За исключеніемъ преждевременно скончавшагося хирурга Беккерса, всѣ остальные сослужили академіи большую службу, создавъ школы каждый по своей спеціальности. Имена эти, впрочемъ, слишкомъ хорошо извѣстны и немедицинской публикѣ.

Дубовицкій основалъ, наконецъ, особый институтъ врачей для усовершенствованія. Прежде оставленіе врачей при академіи и командировка ихъ заграницу для усовершенствованія имѣли какъ-бы случайный характеръ. При Дубовицкомъ было установлено оставлять при академіи ежегодно 10 лучшихъ врачей, изъ только-что окончившихъ, на 3 года, а затѣмъ троихъ изъ нихъ, тоже по выбору конференціи, посылать на 2 года заграницу. Эта мѣра дала блестящіе результаты, обезпечивъ богатый разсадникъ преподавателей. Уже за первые 4 года существованія института, 38 молодыхъ врачей опубликовали 111 научныхъ изслѣдованій.

Дубовицкій заложилъ наконецъ основы (1859) института приватъ-доцентовъ, каковой институтъ очень много способствуетъ

развитію и выясненію преподавательскихъ способностей молодыхъ ученыхъ, помимо непосредственной пользы обученія ими студентовъ.

Такимъ образомъ, П. А. Дубовицкій съ его ближайшими помощниками, вдохновляемый указаніями и поддержкою своего ближайшаго начальника, Военнаго Министра Д. А. Милютина, въ точности исполнилъ Царскую Волю, успѣвъ въ сравнительно короткое время (10 лѣтъ) преобразовать академію во всѣхъ ея отдѣлахъ и поставить ее вровень съ лучшими учебными заведеніями Европы. Всѣ капитальныя постройки и передѣлки, предпринимавшіяся П. Александровичемъ, представляли изъ себя, для своего времени, послѣднее слово науки. Признательная академія избрала въ свои Почетные Члены всѣхъ выдающихся дѣятелей єтой эпохи и, кромѣ того, исходатайствовала Высочайшее соизволеніе: на постановку портрета графа Д. А. Милютина — въ конференцъ-залѣ академіи, на постановку бюста Зинина, въ Естественно-историческомъ зданіи академіи и на постановку памятника Президенту Дубовицкому.

За періодомъ дружной преобразовательной дѣятельности, когда Президентъ и коллегія шли рука объ руку, при взаимной поддержкѣ, наступилъ другой періодъ, сказавшійся вначалѣ лишь взаимнымъ охлажденіемъ между Дубовицкимъ и лучшими людьми преподавательской сферы, которыхъ прежде онъ такъ горячо поддерживалъ. Вліяніе на него Зинина и Глѣбова начало слабѣть. Мало-по-малу симпатіи его повернулись въ сторону совсѣмъ не тѣхъ людей, съ которыми онъ до тѣхъ поръ работалъ. Этотъ 2-й періодъ дѣятельности Дубовицкаго длился, впрочемъ, недолго: Петръ Александровичь былъ назначенъ на должность Главнаго Военно-медицинскаго инспектора, но съ подчиненіемъ ему академіи, т. е. произошло то, противъ чего онъ ратовалъ при своемъ назначеніи на должность Президента академіи. На своемъ новомъ посту Дубовицкій много занимался академическими дѣлами, посѣщалъ иногда засѣданія конференціи, входя при этомъ даже въ роль Президента и, такъ какъ это клонилось къ поддержкѣ партіи, противной его прежнимъ лю-

бимцамъ, то дѣло скоро перешло въ открытую распрю. Черезъ годъ по назначеніи на должность Главнаго Военно-медицинскаго инспектора П. А. Дубовицкій скончался (30 марта 1868 года).

Новое Положеніе объ Императорской Военно-медицинской академіи, 1869 года, выработанное Дубовицкимъ, введено уже послѣ его смерти. Въ него вошли всѣ распоряженія послѣдняго времени. Самое главное, чѣмъ это Положеніе отличается отъ предшествовавшихъ, состоитъ въ томъ, что „2-й военно-сухопутный госпиталь переименованъ въ Клиническій военный госпиталь и предоставленъ, наравнѣ съ прочими учебно-вспомогательными учрежденіями, въ полное распоряженіе академіи“. Президентъ академіи переименованъ въ Начальника академіи и подчиненъ Главному Военно-медицинскому инспектору.

Послѣ смерти Дубовицкаго Главнымъ Военно-медицинскимъ инспекторомъ былъ, около 2 лѣтъ, престарѣлый Смѣльскій, а его смѣнилъ энергичный Николай Илларіоновичъ Козловъ, остававшійся на этомъ посту 12 лѣтъ; при немъ произошло въ академіи много важныхъ событій.

Послѣ смерти Дубовицкаго за 8 лѣтъ смѣнилось 3 Начальника академіи (Нарановичъ, Козловъ, Чистовичъ). Центръ тяжести по управленію академіею заключался теперь уже не въ Начальникахъ академіи, а въ Главномъ Военно-медицинскомъ инспекторѣ, которому Начальники академіи были подчинены.

Раздоры, начавшіеся въ академической коллегіи еще при Дубовицкомъ, продолжали разростаться и принесли академіи много зла. Повторилось то, что было при Шлегелѣ, но въ еще болѣе острой формѣ. Послѣднее обусловливалось, между прочимъ, тѣмъ, что поддержкою Главнаго Военно-медицинскаго инспектора пользовалась наименѣе популярная партія. Дѣло усложнилось еще тѣмъ, что начали развиваться волненія молодежи, въ чемъ академія раздѣлила общую участь съ другими высшими учебными заведеніями того времени. Къ тому же академія въ этомъ періодѣ была сильно переполнена. Такъ, на 1-мъ курсѣ число студентовъ доходило до 500 человѣкъ, а всего на 5-ти курсахъ бывало

до 1600 человѣкъ (однихъ медиковъ)! По штату настоящаго времени, когда средства академіи больше, на первомъ курсѣ число студентовъ не превосходитъ 180 человѣкъ, а на всѣхъ курсахъ не достигаетъ и 800 человѣкъ, т. е. академія имѣла тогда въ 2—3 раза болѣе, чѣмъ могла учить. Профессора указывали на крайнее несоотвѣтствіе между числомъ учащихся и учебными средствами академіи, но для урегулированія дѣла нужны были законодательныя мѣры. Студенческія волненія обычно принимали характеръ шумныхъ демонстрацій противъ того или другого, въ данный моментъ непопулярнаго, члена коллегіи.

Я долженъ коснуться этой грустной стороны пережитаго академіею періода, чтобы сдѣлать понятными тѣ мѣры, которыя были приняты правительствомъ въ цѣляхъ оздоровленія заведенія. Мѣры оказались вполнѣ дѣйствительными, ибо въ сравнительно короткое время академическая жизнь была ведена въ ея естественное русло.

Отъ управленія академіею были теперь отстранены и Главный Военно-медицинскій инспекторъ и Конференція, а вмѣсто нихъ учреждена (26 ноября 1874 года) временная „Коммисія для управленія дѣлами Академіи“. Предсѣдателями этой коммисіи были, за 7 лѣтъ ея существованія, преемственно: Генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, Генералъ отъ артиллеріи Рѣзвый (съ ноября 1876 г.) и Генералъ-адъютантъ Исаковъ (съ декабря 1878 г.). Предсѣдатели имѣли непосредственный докладъ у Военнаго Министра; членами коммисіи были, между прочимъ, и нѣкоторые изъ профессоровъ, служившихъ въ это время въ академіи, какъ Боткинъ, Юнге, а также уже оставившій академію лейбъ-медикъ Здекауеръ. Начальникъ академіи (сначала Я. А. Чистовичъ, а потомъ А. М. Быковъ) былъ членомъ коммисіи и положеніе его было весьма тяжелое, до нѣкоторой степени зависимое даже и отъ Ученаго Секретаря, который былъ докладчикомъ и у Предсѣдателя коммисіи, и въ самой коммисіи.

Конференція не была собираема 15 мѣсяцевъ, а затѣмъ она была открыта, по особой инструкціи, и занималась сначала лишь дѣлами учебными и учеными. Мало-по-малу сфера дѣятельности

конференціи расширялась, а засѣданія „Коммисіи“ дѣлались все рѣже и рѣже. За время управленія академіи „Коммисіею“ быстро улеглись страсти въ средѣ академической коллегіи, но безпокойство учащейся молодежи достигло даже при ней наибольшей степени. Въ этомъ отношеніи много успокоительнаго внесло „Временное положеніе объ академіи“ (10 іюля 1881 года), съ введеніемъ коего „Коммисія“ была закрыта.

Въ такое смутное время, которое прожила академіи за періодъ съ 1869 года, когда было введено выработанное Дубовицкимъ положеніе объ академіи, и до введенія временнаго положенія, въ дѣлѣ развитія ея учебныхъ средствъ сдѣлано было очень мало.

Въ 1872 году учреждены при академіи, стараніемъ Главнаго Военно-медицинскаго инспектора Козлова, „курсы ученыхъ акушерокъ“; это сдѣлано было въ видѣ опыта, на 4 года, по истеченіи коихъ курсы были переведены въ Николаевскій военный госпиталь, ибо встрѣтились затрудненія въ пользованіи клиниками и другими учебными пособіями, такъ какъ преподаваніе женщинамъ должно было идти отдѣльно отъ преподаванія студентамъ. Хотя эти курсы и были впослѣдствіи закрыты, но все-таки они являются родоначальникомъ нынѣшняго Женскаго Медицинскаго института.

Наступившая русско-турецкая война, съ неизбѣжными ускоренными выпусками, не могла въ свою очередь не задержать развитія академіи.

„Временное Положеніе объ академіи“ 1881 года устранило чрезмѣрное многолюдство академіи. Вмѣсто первыхъ двухъ курсовъ, откуда обычно исходили волненія, мѣшавшія правильному ходу занятій, сформированъ такъ называемый приготовительный курсъ, съ небольшимъ числомъ кафедръ, гдѣ могли бы дополнить свое образованіе студенты, прослушавшіе два курса физико-математическаго факультета, желающіе поступить на младшее отдѣленіе академіи, какъ назывался теперь бывшій 3-й курсъ; такихъ слушателей допускалось ежегодно не свыше 50 человѣкъ. Установленъ также штатъ и для студентовъ высшихъ 3-хъ курсовъ—

500 человѣкъ; сдѣланы обязательными строгіе переходные экзамены; оставленіе въ курсѣ на 2-й годъ допускалось только по особо уважительнымъ поводамъ; комплектъ студентовъ долженъ былъ пополняться воспитанниками медицинскихъ факультетовъ, прослушавшихъ не менѣе первыхъ двухъ курсовъ, а также слушателями академіи, изъ поступившихъ въ приготовительный курсъ; всѣ студенты высшихъ трехъ курсовъ академіи должны были получать стипендіи военнаго вѣдомства, принимать установленную присягу и считались состоящими на военно-медицинской службѣ; инспекція была исключительно изъ военныхъ (штабъ-офицеры).

Это „Временное Положеніе“ является, послѣ упраздненія временной „Коммисіи“, какъ бы второю половиною чрезвычайныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ урегулированію академическихъ дѣлъ.

При введеніи этого „Положенія“ упразднено въ академіи Ветеринарное отдѣленіе, объ исторіи котораго мы не упоминаемъ въ этомъ краткомъ очеркѣ. Ассигнованныя на содержаніе этого отдѣленія суммы, а равно и его стипендіи переведены въ Ветеринарные институты Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Во временномъ положеніи не упоминается также и о Фармацевтическомъ отдѣленіи, которое тоже существовало съ основанія академіи, но было всегда весьма малолюдно. Еще положеніемъ 1869 года повышены были требованія для поступающихъ на это отдѣленіе, вровень съ поступающими на медицинское отдѣленіе, а также и курсъ ученія былъ продленъ, изъ прежняго 2-хъ-лѣтняго на 3-хъ-лѣтній; послѣ этого число желающихъ поступить на Фармацевтическое отдѣленіе начало быстро падать и уже съ 1875 года отдѣленія этого фактически не существовало.

Время введенія „Временнаго положенія“ объ академіи, выработаннаго въ столь тяжеломъ для академіи періодѣ, совпало съ знаменательнымъ для Россіи годомъ восшествія на Престолъ Императора Александра III. Въ этомъ же году академія разсталась съ своимъ высшимъ руководителемъ, графомъ Д. А. Милютинымъ, мудрое и высокогуманное управленіе котораго навсегда запечатлѣно въ исторіи нашего учрежденія.

Преемнику графа Милютина по Военному Вѣдомству Петру Семеновичу Ванновскому предстояло прежде всего уврачевать раны, нанесенныя академіи стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Трудно было бы помириться съ мыслію, чтобы столь образцово обстроенное и снабженное богатыми научными пособіями учрежденіе навсегда удержалось въ 3-хъ-курсномъ составѣ, тѣмъ болѣе, что крупнѣйшія затраты послѣдняго времени понесены были именно на обезпеченіе преподаванія предметовъ первыхъ двухъ курсовъ! Весь этотъ періодъ, съ 1881 до введенія устава 1890 года, характеризуется именно постепеннымъ возстановленіемъ прежней ширины академическаго преподаванія. Это возстановленіе производилось съ большою осторожностью, чтобы примѣненныя ранѣе мѣропріятія могли развить все свое полезное дѣйствіе.

За все это время ближайшимъ исполнителемъ указаній П. С. Ванновскаго былъ Начальникомъ академіи Александръ Михайловичъ Быковъ, занявшій этотъ постъ еще въ 1875 г., въ наиболѣе смутное для академіи время. Нужно было имѣть много гражданскаго мужества, чтобы принять управленіе академіею при тогдашнихъ условіяхъ. По складу своей предшествовавшей жизни, Александръ Михайловичъ всего болѣе подходилъ къ Шлегелю: военный врачъ, постепенно прошедшій всѣ ступени врачебной службы до помощника Главнаго Военно-медицинскаго инспектора, съ каковой должности и былъ назначенъ на должность Начальника академіи; въ этой должности онъ пробылъ 15 лѣтъ, оставивъ ее съ введеніемъ нынѣ дѣйствующаго положенія объ академіи. Не будучи ученымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, хорошо предугадывалъ новѣйшія научныя вѣянія, благоразумно удовлетворялъ дѣйствительнымъ научнымъ потребностямъ. Сначала непопулярный въ средѣ учащихъ и учащихся, онъ былъ затѣмъ всѣми оцѣненъ: учащаяся молодежь трогательно простилась съ нимъ, а конференція, избравъ его въ Почетные Члены, исходатайствовала Высочайшее соизволеніе на постановку его портрета въ конференцъ-залѣ академіи. Скончался А. М. въ Варшавѣ на 79 году жизни.

Введеніе въ университетахъ новаго устава (23 августа 1884

года) дало Военному Министру поводъ учредить коммисію изъ профессоровъ для выработки проекта академическаго устава примѣнительно къ университетскому. Выработанный проектъ, послѣ просмотра и передѣлки его въ высшихъ инстанціяхъ, былъ утвержденъ 29 мая 1890 года; „Временное положеніе“ просуществовало, значитъ, 9 лѣтъ.

Новое „Положеніе объ академіи“ возвратило наше заведеніе къ его естественному 5-ти-курсному составу, но, на основаніи пережитаго опыта, теперь установленъ штатъ студентовъ (750); удержаны строгіе переходные экзамены, вмѣсто университетскаго зачета полугодій; прежнее право военныхъ стипендіатовъ считаться на военно-медицинской службѣ сохранено и новымъ Положеніемъ. Въ отличіе отъ университетскаго устава значительно повышены требованія для полученія званія приватъ-доцента академіи. Число кафедръ значительно увеличено. Отмѣненъ академическій судъ, а подлежавшія его вѣдѣнію дѣла переданы компетенціи штабъ-офицеровъ, завѣдывающихъ курсами, или Начальника академіи. Вообще, по новому Положенію значительно повышена власть Начальника академіи. Непосредственное подчиненіе академіи Военному Министру установлено отнынѣ какъ окончательная и постоянная мѣра.

За періодъ между введеніемъ Временнаго Положенія объ академіи и Положеніемъ 1890 года, не смотря на то, что нужно было сначала привести академію постепенно въ прежній ея составъ, всетаки сдѣлано въ ней много улучшеній и въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія ея учебно-вспомогательныхъ средствъ. Заново перестроено и расширено акушерско-гинекологическое отдѣленіе госпиталя, вновь построены двѣ образцовыя операціонныя, отведено помѣщеніе для гидротерапіи, одно изъ зданій передѣлано подъ гигіеническую лабораторію съ кабинетомъ, заново организована лабораторія экспериментальной патологіи съ очень дорогимъ инвентаремъ, а главное—сооружено грандіозное зданіе для клиники душевныхъ болѣзней. Кромѣ того, увеличенъ размѣръ стипендій и обезпечено положеніе врачей, возвращающихся изъ заграничной командировки для

усовершенствованія, передачею въ распоряженіе академіи 10 штатныхъ мѣстъ врача для командировокъ.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе Положенія объ академіи 1890 года смѣнился Начальникъ академіи, но это не имѣло замѣтнаго вліянія на ходъ дѣлъ, ибо до 1898 года высшимъ руководителемъ по академическимъ дѣламъ оставалось все то же лицо, П. С. Ванновскій, искренно расположенный къ нашему заведенію и хорошо его изучившій въ теченіе продолжительнаго управленія имъ. За періодъ съ 1890 года до 1898, когда П. С. оставилъ постъ Военнаго Министра, сдѣлано слѣдующее:

Учреждены нѣкоторыя новыя должности (архитектора, механика, ротнаго командира для госпитальной команды), увеличена (на 10,000 руб. въ годъ) штатная сумма, положенная на библіотеку и на учебныя пособія; учреждены вновь: кафедра исторіи энциклопедіи и медицины, кафедра ученія о заразныхъ болѣзняхъ съ бактеріологіею и для этой кафедры построена новая клиника заразныхъ болѣзней, представляющая изъ себя какъ-бы городокъ изолированныхъ каменныхъ зданій; построена новая клиника для нервныхъ болѣзней съ музеемъ, лабораторіями, гидротерапевтическими приспособленіями; пересмотрѣно положеніе о клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, причемъ эта клиника поставлена какъ совершенно самостоятельное отъ госпиталя учрежденіе; открыты: новая клиника ушныхъ и горловыхъ болѣзней, 2-я химическая лабораторія—для медицинской химіи, зубоврачебный и радіографическій кабинеты; для всѣхъ госпитальныхъ отдѣленій устроены амбулаторіи, совершенно обособленныя отъ помѣщенія стаціонарныхъ больныхъ; госпиталь во многихъ своихъ частяхъ капитально перестроенъ и украшенъ, что произошло послѣ посѣщенія, которымъ изволили осчастливить госпиталь Ихъ Императорскія Величества Александръ Александровичъ и Марія Ѳеодоровна 3-го Марта 1892 г.; перестроена и украшена академическая церковь; академическій архивъ перенесенъ въ заново отстроенное зданіе, совершенно безопасное отъ огня. Сооружена большая электрическая станція, дающая электрическій свѣтъ во всѣ учрежденія акаде-

міи, въ артиллерійскую академію и училище и въ военную тюрьму. Съ Высочайшаго соизволенія станція посвящена имени профессора академіи Петрова (работавшаго въ началѣ текущаго столѣтія), такъ какъ онъ наблюдалъ ранѣе всѣхъ другихъ ученыхъ электрическій свѣтъ отъ сильной гальванической дуги.

Учреждена столовая для студентовъ съ отпускомъ потребной суммы на перестройку для этой цѣли одного изъ зданій академіи. Учреждено общество пособія клиническимъ больнымъ и ихъ семействамъ; — общество располагаетъ уже нынѣ капиталомъ въ 20,000 руб.

Весь этотъ рядъ сооруженій и улучшеній представляетъ самъ по себѣ грандіозный памятникъ, увѣковѣчившій имя Петра Семеновича въ исторіи академіи. Академія уже давно исчерпала всѣ имѣющіеся въ ея распоряженіи способы, чтобы выразить Петру Семеновичу свое глубокое уваженіе и признательность. Уже давно Петръ Семеновичъ состоитъ въ спискѣ Почетныхъ членовъ академіи и портретъ его поставленъ въ ея конференцъ залѣ. Ко дню 50-лѣтія его службы конференція исходатайствовала Высочайшее соизволеніе на принятіе Петромъ Семеновичемъ званія Почетнаго Президента академіи, какого званія до сихъ поръ еще никому не было предоставляемо въ академіи.

Нынѣ, удалившись отъ дѣлъ, какъ Военный Министръ, Петръ Семеновичъ, какъ Почетный президентъ академіи, не перестаетъ заботиться объ ея преуспѣяніи.

Съ назначеніемъ новаго Военнаго Министра, годъ назадъ, ни сколько не ослабло то благорасположеніе и заботливость объ академіи, которое она привыкла встрѣчать со стороны высшаго представителя военнаго вѣдомства. Въ послѣднее время сдѣлано даже для нея особенно много, благодаря между прочимъ предстоящему юбилею. Помимо крупныхъ ассигнованій, вызванныхъ чисто хозяйственными потребностями, разрѣшено, или по крайней мѣрѣ прошло черезъ Военный Совѣтъ, слѣдующее.

Увеличенъ размѣръ казенныхъ стипендій, а также и размѣръ обмундировочныхъ денегъ при поступленіи въ составъ военныхъ

стипендіатовъ и при выходѣ въ лекаря, при чемъ эти стипендіаты освобождаются и отъ платы за экзаменъ въ государственной комиссіи. Единовременныя выдачи изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Военнаго Министра, улучшили положеніе столовой студентовъ; разрѣшено студентамъ открыть вновь ихъ читальни и отпущена единовременно сумма на обзаведеніе такой читальни. Нѣсколько измѣнена форма студентовъ: присвоены пуговицы съ изображеніемъ государственнаго орла.

Для улучшенія преподаванія, а въ соотвѣтственныхъ случаяхъ также и для достиженія большаго удобства больныхъ ассигнованы суммы:

а) На приспособленіе нѣкоторыхъ академическихъ помѣщеній для экспериментальныхъ работъ профессоровъ-клиницистовъ и ихъ учениковъ.

б) На устройство отдѣльнаго зданія для клиники ушныхъ и горловыхъ болѣзней, вмѣсто нынѣшняго временнаго помѣщенія.

в) На устройство особаго зданія для наукъ, имѣющихъ дѣло съ опытами на животныхъ, такъ какъ совмѣстное существованіе такихъ лабораторій рядомъ съ анатомическими кабинетами, какъ нынѣ, оказывается нецѣлесообразнымъ.

г) На расширеніе гидротерапевтическаго отдѣленія госпиталя.

д) Назначена субсидія на изданіе ученаго академическаго журнала, опредѣленная пока въ видѣ опыта на 5 лѣтъ. Профессора академіи съ своей стороны сдѣлали добровольную ежемѣсячную подписку, чтобы увеличить фондъ на изданіе журнала.

е) Штатъ ординатуръ повышенъ на 5, съ пониженіемъ на столько же штата экстраординатуръ.

Число штатныхъ академиковъ увеличено съ 4 на 8, какъ это было по уставу Александра I и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣнительно къ тому же уставу, добавочное содержаніе по званію академика повышено до 500 р.

Но что особенно важно для насъ, это—рѣшеніе сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ Положеніи объ академіи, которыя яснѣе вы-

ражали бы не только учебный, но и ученый характеръ академіи, что такъ широко очерчено въ Грамотѣ Александра I.

Исходатайствовано Высочайшее соизволеніе: на выбитіе медали въ память столѣтія академіи; на право носить на эполетахъ и погонахъ вензелевое изображеніе Имени Августѣйшаго Основателя академіи, Павла I; на учрежденіе нагруднаго знака для лицъ, нынѣ служащихъ въ академіи и учащихся въ ней и жетона— въ память 100-лѣтія.

Академія сердечно признательна своему новому руководителю, такъ много для нея сдѣлавшему въ столь короткое время управленія ею.

Высшею наградою академіи за ея 100-лѣтнюю службу является благоговѣйно заслушанная нами Высочайшая Грамота, которою Его Императорское Величество Государь Императоръ соизволилъ осчастливить академію вначалѣ ея втораго вѣка существованія.

Царскія милости проявлены академіи также обильно въ концѣ 100-лѣтія, какъ онѣ изливались на нее и при самомъ ея зарожденіи. Онѣ не оскудѣвали и все остальное время ея существованія, иначе не могло бы быть у нея такого роста. Частная благотворительность, за исключеніемъ милліоннаго пожертвованія Вилліе на клиники, не играла замѣтнаго значенія въ ростѣ академіи и ея учебныхъ средствъ.

Перенесясь мысленно 90—100 лѣтъ назадъ на болотистую, мѣстами трудно проходимую площадь, пріютившую нашу академію съ смежными ей госпиталями, когда всѣ строенія, за исключеніемъ 4—5 каменныхъ зданій, представлялись въ видѣ безпорядочно разбросанныхъ, деревянныхъ построекъ, большею частію уже ветхихъ, когда частныя владѣнія врѣзывались въ казенныя, когда поверхность построекъ не превышала $4^1/_2$ тысячъ квадр. сажень, и сравнивъ, затѣмъ, эту картину съ тѣмъ, что представляетъ академія теперь: 40-десятинная площадь обсушенной и покрытой садами земли съ $16^1/_2$ тысячами кв. сажень построекъ, изъ коихъ многія грандіозны, то дѣлается очевиднымъ, какъ много положено здѣсь труда и какъ велики понесенныя правительствомъ затраты на наше учрежденіе.

Тогда академія представляла изъ себя лишь слабое подражаніе высшимъ учебнымъ заведеніямъ запада, теперь-же она можетъ конкуррировать съ лучшими изъ нихъ, а нѣкоторыми изъ своихъ учрежденій она едва-ли не превосходитъ даже лучшіе европейскіе образцы. Если принять во вниманіе, что ростъ академіи иногда задерживался по разнымъ причинамъ на долгіе промежутки, особенно въ первомъ полустолѣтіи ея существованія, то изъ этого дѣлается яснымъ, какъ силенъ былъ ея ростъ въ другіе періоды!

Но такъ-ли великъ былъ и ея внутренній ростъ, ея ученоучебный прогрессъ? Объ этомъ трудно судить намъ, дѣятелямъ академіи! Но есть кое-что чисто объективное, позволяющее намъ съ гордостью смотрѣть на пройденный путь.

Ученые труды преподавателей и питомцевъ академіи вначалѣ столѣтія были очень малочисленны. За послѣднія-же 16 лѣтъ насчитывается до 3,700 изслѣдованій, произведенныхъ въ стѣнахъ академіи, т. е. до 220 въ годъ.

Вначалѣ столѣтія академія едва пополняла своими питомцами небольшое число кафедръ, которыми она тогда располагала. Нынѣ, замѣщая свои многочисленныя кафедры почти исключительно своими питомцами, академія имѣетъ до 80 приватъ-доцентовъ, совершенно готовыхъ преподавателей; всѣ они, за рѣдкими исключеніями, прошли черезъ академическій институтъ врачей для усовершенствованія, побывали заграницею, гдѣ ознакомились съ преподаваніемъ лучшихъ спеціалистовъ. — За послѣднія 10 лѣтъ академія дала университетамъ около 50 человѣкъ преподавателей, а наличнаго числа ея доцентовъ достало бы для занятія кафедръ по крайней мѣрѣ въ двухъ новыхъ медицинскихъ факультетахъ.

Учебный трудъ студентовъ академіи значительно увеличился, ибо курсъ ученія все прежній, 5-лѣтній, а медицинская наука значительно разраслась: теперь уже не 8 кафедръ, какъ прежде, а 34. Впрочемъ трудъ студентовъ значительно облегчается большимъ совершенствомъ преподаванія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно отмѣтить, что всякій разъ, когда какое-либо бѣдствіе надвигалось на нашу родину: холера, чума, голодъ съ

неизбѣжными при немъ тифами, или, наконецъ война, студенты охотно отправлялись на тяжелое при этихъ условіяхъ врачебное дѣло въ роли врачей, по усиленнымъ выпускамъ, или даже прямо студентами, даже 3-го курса, какъ наприм. въ жестокую эпидемію холеры 1830 года (въ Поволжьи) или 1831 года (въ Петербургѣ). Въ исторіи отмѣчено, что командированные на эту эпидемію изъ Англіи врачи дали Государю самый лестный отзывъ какъ о дѣятельности врачей, такъ и о дѣятельности нашихъ студентовъ. Во время Отечественной войны въ арміи было очень много врачей по ускореннымъ выпускамъ. Тѣмъ не менѣе въ манифестѣ Императора Александра 1-го (6 ноября 1819 года) мы читаемъ: „военные врачи, раздѣляя наравнѣ съ военными чинами труды и опасности, явили достойный примѣръ усердія и искусства въ исполненіи своихъ обязанностей и стяжали справедливую признательность отъ соотечественниковъ и уваженіе отъ всѣхъ образованныхъ нашихъ союзниковъ“.

Во время послѣдней русско-турецкой войны и при сопутствовавшихъ ее эпидеміяхъ, студенты академіи самоотверженно работали, исполняя врачебныя обязанности. Характеръ ихъ дѣятельности очерчивается изъ слѣдующаго оффиціальнаго письма Главнаго Военно-медицинскаго инспектора на имя Начальника академіи (отъ 30 марта 1877 года). Онъ пишетъ: „большая часть студентовъ заслужила на полѣ битвы и въ госпиталяхъ дѣйствующей арміи полное одобреніе и вполнѣ оправдала оказанное имъ довѣріе своимъ разумнымъ уходомъ за ранеными и самою приличною дисциплиною“. Кромѣ того, по телеграммѣ В. Министра къ Начальнику академіи отъ 19 сент. 1877 года разрѣшено было студентамъ, съ Высочайшаго соизволенія, остаться на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ то время, когда съ окончаніемъ каникулъ должны были начаться въ академіи лекціи;—студенты охотно воспользовались этимъ разрѣшеніемъ.

Одновременно съ русско-турецкою войною возникла въ Петербургѣ жестокая эпидемія тифа, а переполненіе всѣхъ больницъ Петербурга повело къ открытію въ академіи, въ видѣ экстренной мѣры, бараковъ для тифозныхъ (весною 1878 года). Студенты

высшихъ курсовъ, не попавшіе на войну, явились на помощь изнывающимъ отъ непосильнаго труда врачамъ, которыхъ оставалось въ городѣ очень мало, даже въ клиникахъ. Студенты работали безмездно, замѣняя врачей, а иногда исполняя и всѣ служительскія и фельдшерскія обязанности, ибо заболѣваемость въ средѣ этого низшаго персонала была очень велика; заболѣвали тифомъ и очень многіе студенты, но на смѣну заболѣвшихъ бодро выступали свѣжія силы.

Особенно рѣзко сказалось самоотверженіе студентовъ во время послѣдней холерной эпидеміи, въ 1892 году, сопровождавшейся тифозною эпидеміею, когда студенты высшихъ курсовъ почти поголовно отправились на борьбу съ эпидеміею. Дѣятельность ихъ вызвала восторженные отзывы со стороны многихъ начальствующихъ лицъ и общественныхъ учрежденій, преподнесшихъ также студентамъ на память жетоны. О дѣятельности студентовъ въ этой эпидеміи дважды было повергнуто В. Министромъ на Высочайшее воззрѣніе и всѣ студенты 4-го и 5-го курса, бывшіе на эпидеміяхъ (до 250 человѣкъ), удостоились Царскаго „Спасибо".

По ходатайству Министра Внутр. Дѣлъ 4 студента 5-го курса, за дѣятельность по этой же эпидеміи, пожалованы золотыми медалями для ношенія на груди на Анненской лентѣ.

Въ 8-й день іюня 1893 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на постановку въ церкви академіи мраморной доски со внесеніемъ именъ питомцевъ академіи, погибшихъ жертвами своей самоотверженной дѣятельности въ борьбѣ съ эпидеміями тифа и холеры въ 1891 и 1892 годахъ; кромѣ именъ 12 врачей здѣсь были и имена 3 студентовъ.

Да и кромѣ этихъ большихъ эпидемій, при появленіи гдѣ либо тифа въ лѣтнее время студенты охотно поступаютъ въ распоряженіе земствъ и всегда заслуживаютъ своей дѣятельностью полное одобреніе.

Въ 1896 году четыре студента высшаго курса отправились въ Абиссинію въ составѣ особой экспедиціи. Встрѣченные населеніемъ сначала очень подозрительно, они вскорѣ заслужили боль-

шое довѣріе и расположеніе, имѣли весьма многолюдныя амбулаторіи, много оперировали. Одинъ изъ нихъ написалъ первую медицинскую книгу на абиссинскомъ языкѣ для мѣстнаго населенія. Эти 4 студента Всемилостивѣйше пожалованы въ 1897 году, по представленію Предсѣдателя Россійскаго Общества Краснаго Креста, орденами Св. Станислава 3 степени; кромѣ того, имъ разрѣшено принять и носить пожалованные имъ Императоромъ Менеликомъ абиссинскіе ордена.

Нынѣ, въ концѣ перваго столѣтія своего существованія, академія считаетъ себя въ правѣ полагать, что она исполнила заповѣдь, данную ей слѣдующими заключительными словами грамоты Александра I-го въ 1809 году:

„Мы удостовѣрены, что всѣ члены сословія сего (т. е. академіи) точнымъ и непремѣннымъ исполненіемъ выше начертанныхъ правилъ потщатся проходить служеніе свое къ пользѣ общей, собственной чести и къ удовольствію Нашему. Мы ожидаемъ, что юношество, предъопредѣляющее себя къ званію, толикаго уваженія достойному, приложитъ все свое стараніе къ обращенію на себя дальнѣйшаго Нашего вниманія и милости, пріобрѣтеніемъ нужныхъ каждому по своей части познаній и образованіемъ способностей своихъ на пользу отечества“.

Большія затраты понесло государство, чтобы довести академію до ея современнаго состоянія! Академія достигла по своему устройству лучшихъ европейскихъ образцовъ, исключая, быть можетъ, небольшихъ пробѣловъ въ частностяхъ. Она должна развиваться и впредь, но уже вмѣстѣ съ прогрессомъ европейской науки, а не догонять учрежденія, основавшіяся многими столѣтіями ранѣе.

Такія учрежденія, какъ академія, и какъ всякая вообще врачебная школа, должны существовать и развиваться, пока живетъ человѣкъ, пока не угасъ въ немъ огонь научной любознательности. Этотъ огонь, въ примѣненіи къ нашей спеціальности, не есть лишь удовлетвореніе пытливаго ума, создающаго себѣ біологическіе вопросы и ищущаго ихъ рѣшенія. Наука наша должна отвѣчать и на вопросы чисто житейскаго, утилитарнаго свойства и въ

этомъ, быть можетъ, и лежитъ наиболѣе жгучій ея интересъ. Она научаетъ человѣка бороться съ вредными вліяніями, разстраивающими нашъ организмъ и мѣшающими ему продѣлать правильный циклъ, достигнувъ, такъ сказать, нормальной старости. Эти вредныя вліянія до крайности разнообразны. Уже одинъ міръ микробовъ, въ лицѣ его патогенныхъ представителей, является намъ вѣчнымъ, могущественнымъ, врагомъ. Возрастающая скученность людей, съ приростомъ населенія, все болѣе и болѣе обостряющаяся, хотя и мирная, борьба за существованіе, неизбѣжное переутомленіе и всякія лишенія для отдѣльныхъ группъ людей—всегда будутъ источникомъ заболѣваемости и усиленной смертности, а слѣдовательно всегда будутъ взывать къ медицинской помощи.

Но есть другой рядъ разстройствъ, вызываемыхъ волею самого человѣка—это война, угрожающая нынѣ перейти уже не въ рыцарскій поединокъ небольшихъ армій, а въ вооруженное столкновеніе цѣлыхъ народовъ. Въ такой войнѣ едва-ли не будетъ стертъ съ лица земли цвѣтъ цѣлаго населенія, а это уже грозитъ вырожденіемъ расы. Врачъ, посвящающій свою жизнь на устраненіе человѣческихъ страданій, не можетъ не лелѣять мысли, что наступитъ когда нибудь время, когда человѣкъ научится рѣшать свои недоразумѣнія инымъ путемъ и что этотъ грандіозный источникъ человѣческихъ бѣдствій сведется на возможно малую величину.

Понятно то впечатлѣніе, которое произведено во врачебномъ мірѣ всего свѣта Царскимъ Призывомъ къ лучшему порядку вещей. Мы, русскіе врачи, а съ нами конечно и всѣ русскіе люди, не могли не проникнуться благоговѣйною признательностью и гордостью, что именно съ высоты Русскаго Престола раздалось великодушное слово, заставляющее надѣяться на лучшее будущее. Уже и теперь лучшая часть общества всего міра относится къ Призыву съ привѣтомъ и глубокою благодарностью. Мы вѣримъ, что наступитъ время, когда все человѣчество будетъ справлять юбилей непрерываемаго мира, а слѣдовательно и юбилей общаго благоденствія. Вѣроятно, пройдетъ еще много времени, пока человѣчество добьется такого юбилея. Но мы убѣждены, что Царское Слово,

сказанное въ 1898 году, будетъ такимъ же началомъ лѣтоисчисленія для новаго порядка вещей, какъ Слово сказанное Августѣйшимъ Основателемъ нашего учрежденія въ 1798 году служитъ началомъ лѣтоисчисленія для существованія нашего скромнаго научнаго центра, столь величественно нынѣ празднуемаго. Будучи проникнуты признательностью за все сдѣланное для академіи, обусловившее блестящій ея ростъ, мы искренне желаемъ, чтобы зданіе мира также быстро созидалось, какъ созидалось наше учрежденіе въ послѣднія десятилѣтія своего существованія.

ск
ні
ш
на
уч
пр
об
зд
у